

Да это вполне естественно. Человѣческому уму не свойственно приниматься за работу разрушенія, пока у него нѣтъ хоть нѣкотораго представленія о томъ, чѣмъ онъ замѣнитъ разрушенное имъ. — „Учредить революціонную диктатуру», говорятъ одни. — „Провозгласятъ правительство, состоящее изъ рабочихъ, и ему поручатъ организацію производства», говорятъ другіе. „Въ освобожденных Коммунахъ все будетъ предоставлено въ общее пользованіе», говорятъ третьи. Но всѣ безъ исключенія составили себѣ опредѣленное понятіе о томъ будущемъ, къ которому они стремятся, и это сознательно или безсознательно отражается на ихъ способѣ дѣйствія въ подготовительный періодъ.

Мы ничего не выигрываемъ, избѣгая споровъ о „теоретическихъ вопросахъ»; наоборотъ, чтобы быть „практичными», мы должны ставить ихъ на обсужденіе и всѣми силами оспаривать и защищать нашъ идеалъ анархическаго коммунизма.

Если теперь, въ періодъ сравнительнаго затишья, мы не будемъ разбирать этихъ вопросовъ, когда же мы это сдѣлаемъ?

Въ день революціи, среди дымящихся баррикадъ, на развалинахъ стараго зданія, когда уже широко будутъ открыты двери будущему? когда надо будетъ имѣть опредѣленное рѣшеніе и непреклонное желаніе привести его въ исполненіе? — Тогда будетъ уже не время разсуждать. Надо будетъ дѣйствовать, дѣйствовать немедленно, въ томъ или другомъ смыслѣ.

Предыдущія революціи не дали французскому народу того, чего онъ отъ нихъ ожидалъ, не потому, конечно, что онъ заранѣе слишкомъ усердно обсуждалъ цѣль надвигающейся революціи. Опредѣленіе этой цѣли и обсужденіе дальнѣйшаго образа дѣйствія народъ всецѣло предоставлялъ своимъ предводителямъ, которые неизмѣнно обманывали его. Не существованіе опредѣленной теоріи помѣшало народу дѣйствовать, а отсутствіе какой бы то ни было теоріи. Буржуазія въ 1848 и въ 1870 году прекрасно знала, что она будетъ дѣлать въ тотъ день, когда народъ низвергнетъ правительство. Она знала, что она захватитъ власть, заставитъ народъ выборами санкціонировать свое правительство, вооружитъ мелкаго буржуа противъ крестьянина и рабочаго и, имѣя въ своемъ распоряженіи войска, пушки, пути сообщенія и деньги, сумѣетъ справиться съ трудящимися массами, если онѣ посмѣютъ предъявить свои права. *Буржуазія знала*, что она будетъ дѣлать въ день революціи.

Но народъ не зналъ этого. Въ вопросахъ политическихъ онъ слѣпо слѣдовалъ буржуазіи; въ 1848 году онъ повторялъ за ней: „Республика и всеобщее избирательное право»; въ мартѣ 1871 года, онъ вмѣстѣ съ мелкой буржуазіей провозглашалъ Коммуну. Ни въ 1848, ни въ 1871 году, у него не было никакого представленія о томъ, какъ приступить къ рѣшенію самаго насущнаго вопроса, вопроса о хлѣбѣ и трудѣ. „Организація труда», этотъ лозунгъ 1848 года (призракъ, воскрешенный недавно нѣмецкими коллективистами въ нѣсколько измѣненномъ видѣ), былъ настолько неопредѣленный и расплывчатый, что ничего не говорилъ народу; то же самое мы можемъ сказать о коллективизмѣ Интернаціонала 1869 года во Франціи. Если бы въ мартѣ 1871 года кто-нибудь спросилъ всѣхъ работающихъ надъ осуществленіемъ Коммуны, какъ приступить къ рѣшенію вопроса о хлѣбѣ и трудѣ, какую ужасную какофонію противорѣчивыхъ отвѣтовъ ему пришлось бы услышать! Надо ли было отъ имени Парижской Коммуны захватить мастерскія? Можно ли было коснуться домовъ и объявить ихъ собственностью возставшаго города? Надо ли было захватить всѣ сѣстные припасы и произвести раздѣлъ? Надо ли было объявить всѣ богатства, накопленные въ Парижѣ, собственностью всего французскаго народа и воспользоваться этимъ могучимъ средствомъ для освобожденія всей націи? — Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ народъ не могъ дать опредѣленнаго отвѣта. Интернаціональ, отвлеченный непрерывной борьбой, не успѣлъ основательно обсудить всѣхъ этихъ вопросовъ. — „Вы разводите теоріи», говорили всѣмъ, кто только приступалъ къ ихъ разрѣшенію, а Соціальную Революцію опредѣляли расплывчатыми и неясными словами: Свобода, Равенство и Солидарность.

Мы далеки отъ мысли выработать вполне законченную программу на случай революціи. Подобная программа задерживала бы только работу; она послужила бы поводомъ къ слѣдующаго рода софизмамъ: — „Разъ мы не можемъ сейчасъ осуществить нашей программы, будемъ ждать и беречь нашу драгоцѣнную кровь для болѣе подходящаго случая».

Мы прекрасно знаемъ, что всякое народное движеніе есть шагъ впередъ къ приближенію Соціальной Революціи. Оно пробуждаетъ духъ возстанія и приучаетъ смотрѣть на установленный порядокъ (или вѣрнѣе установленный безпорядокъ), какъ на нѣчто неустойчивое и непостоянное.